

Феодор Алексеев

История об Аморетте
Часть первая

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Феодор Алексеев

История об Аморетте.
Часть первая

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Алексеев Ф.

История об Аморетте. Часть первая / Ф. Алексеев — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-08998-3

Безвременье. Один из множества подобных ему домиков, что выполнен в стиле фахверк. Замок стоящая где-то поблизости психлечебница. Бескрайний сосновый лес. Теплая комната со старым камином и достающей до потолка горой дров, странным сперва, но забавным в итоге образом оказавшаяся тут. Художник-педофил, машина по зарабатыванию денег, жестокий деспот-отец, прилюдно покончивший свою жизнь самоубийством лектор, существа Люмб и Люмаль - олицетворения всепонимающего Добра и всевидящего, но слепого и немого Зла...Феодор Узуэль Люмб - так зовут человека, который своей жизнью связал все эти странные образы в единую невероятно удивительную историю. Феодор Люмб - кому-то он покажется пародией на Печорина, но все же он - настоящий герой нашего времени. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-08998-3

© Алексеев Ф., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Предисловие, или Нулевая глава

Так-так-так... Думаю, прежде чем начать, мне нужно до мельчайших подробностей разобрать конец всей этой довольно-таки странной и поистине ужасающей истории, что приключилась когда-то со мной. И, конечно-конечно, я прекрасно понимаю, что сейчас вы вряд ли что-то поймете, хоть во мне и теплится надежда на обратное. Но все же мне действительно надо начать именно с того дня и именно так, как я бы это сделал, реши я тогда вдруг взяться за письмо.

Ита-а-ак...

I

Дождливое утро в середине октября. Восемь часов. Понедельник. Для кого-то настало время идти на работу. Но не для меня, конечно. Поскольку я этого рабочего дерьма вдоволь навидался и знаю, к чему это дерьмо приводит. Так что теперь – я в домике. Теперь я снова живу в центре Города и редко выхожу на улицу.

У-утро. Скоро придет Аморетта. Она обещала принести мне пиццу.

«М-м-м... Пицца... Только представить... Сантиметровый слой расплавленного сыра, сочащегося маслом... По нему аккуратной поварской рукой симметрично разложены тонко нарезанные ломтики салями... Го-о-осподи... Пи-ицца! Тонкое тесто так обжарено, что при легком нажатии похрустывает... Томатная паста...»

И надо сказать, это была не просто томатная паста. Таких паст я за все свои тридцать пять лет нигде не встречал. Только в пицце, которую каждый понедельник приносит мне Аморетта.

«Аоэа...» – слышу я свой голос сквозь сон.

Вдруг по ушам: «Бррррынь!» – телефон звонит.

(Зря я все-таки положил эту... э-э-э... орущую хуйню возле ушей.)

– М-м?

Это Аморетта. Это ее милый молодой голосочек я слышу в трубке.

– А-а... А-а-а! Доброе утро, ма-адам. Вы меня разбудили!

– ...

– Доброе утро?

– ...

– Аморетта!

– Здравствуй, мой милый, мой миленький Люмб. Мне тебе надо кое-что сказать...

– Так, стойте-ка секундочку. А где моя пицца, вы, юная леди?

– Пицца?! Что? Что ты такое говоришь, вообще? Какая пицца, идиот?!

– Заранее извиняюсь, если я что-то...

– Люмб, послушай меня, я должна...

Тишина.

– Люмб, я должна тебе кое-что сказать...

–И что же вы должны мне такое сказать, юная леди?

– Я устала ждать, Феодор. Я жутко устала... У меня больше нет времени. Прощай, мой дорогой Люмб. Прощай...

«Хнык... Щелк! Бип-бип-бип-бип...»

Хм!

«Аморетта устала... Аморетта. Сегодня, получается, пиццы не будет. А-а-а... Точно-точно. Сегодня будет что-то другое... Хм-м... Устала... Жу-у-утко устала... Нет больше времени... Хм-м-м... Прощай... Так. Стоп! Неужели она...»

ТВОЮ-У-У МАТЬ!

II

... Вдоль по-октябрьски серой набережной, что располагалась в самом центре Города хаотично двигались безликие тела-модулы. Вокруг них гигантскими монументами из папье-маше стояли однотипно-серые многоэтажные дома. По реке медленно шел почти пустой теплоход, на главной палубе которого сидели два-три человека, всем видом своим говоривших о том, что они понятия не имеют, как они там оказались и куда они вообще движутся. А безграничное и, помнится, голубое небо здесь, над центральной городской набережной, как и всегда, было наглухо обтянуто плоскими темно-серыми облаками и почему-то совсем не казалось безграничным.

Но это все – декорации. И надо сказать, что в данный момент они не так уж и важны. Поскольку все те привычные для Города серость, бездушность, холод, однотипность и душлимая замкнутость, проявляющие себя в каждой даже самой маленькой его детали, – все это серое уродство вовсе не олицетворяло собой внутреннее состояние той семнадцатилетней девушки, которая этим утром, сперва позвонив мне, а после покинув свою квартиру через окно и пролетев с тридцать этажей вниз, приземлилась головой прямо на бесцветный тротуар набережной, оставив за собой окантованную нежно-красным цветком жуткую спрессованную массу из внутренностей, мяса и костей.

«Боже мой... Моя Амореттка... К... Как же т...»

Да, декорации сейчас не важны. Важно то, что было сказано.

«Ебанутая шлюха...» – наверняка таков был диагноз той девушки. Да, именно так промямлило одно безликое тело-модуль, судя по движению его губ, и именно так подумали все остальные, судя по их возмущенным взглядам.

– Чуть не запачкала мой костюм! Обнюхаются, б-блядь, порошком и летают из окон... Ну, конечно. Пи-и-издец...

– И не говорите!

– А ведь ра-а-аньше такую вот херню только на периферии можно было наблюдать, да?

– Да-да...

– Куда мир катится? Еб-банный ж ты в рот... – такими звуками тело подытожило свою похоронную речь в честь девушки и без каких-либо эмоций на лице, но с трясущимися руками продолжило свой путь.

Хаотичное движение больше не прекращалось – брошенный на произвол судьбы сумасшедший механизм продолжил работу. Полупустой теплоход все так же медленно шел по реке. Люди на нем, вполне естественно, все так же не знали, куда они направляются. А я медленно положил на подоконник бинокль, не понимая зачем, задернул шторы и упал на пол.

«Она это сделала...» – вот что было сказано, и вот что было важно.

Знаете, странно, конечно, но если бы не этот случай, в этом городе я бы уже напрочь позабыл о том, что чувствует человек, вынужденный постоянно шмыгать носом и задыхаться, пытаясь сдержать в себе слезы и крик, вызванные жуткой глухой болью, которую порождает внутри его груди нечто – и он это чувствует всем своим хрупким человеческим естеством – нечто поистине ценное, но сейчас задыхающееся в вакууме безысходности и беспомощности...

Что же! Надо сказать, это действительно очень больно. Но как бы то ни было... Она. Это. Сделала.

А почему это так важно?

Ха-а-а! Сейчас я вам, конечно же, все расскажу, но прежде...

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

Легкое знакомство

Первая глава

Крайняя надежда

...Позвольте мне задать вам один вопрос.

Вы когда-нибудь разговаривали с человеком, все явственнее и явственнее понимая, что перед вами сейчас сидит абсолютно глухое к чужими эмоциям, мерзкое во всех отношениях и абсолютно беспринципное существо?

Нет. Не так.

Вы можете представить себе, как выглядит тупое лицо? Не такое, что нам рисует воображение, руководствуясь исключительно художественным образом тупого человека, как, например, какого-нибудь нелепого выродка с большими и кривыми зубами, прыщавой мордой, чрезмерно низким голосом и редкими волосами, случайно растущими по всей башке. А такое, что на первый взгляд кажется совершенно обычным лицом совершенно обычного, ничем не примечательного человека, но которое – в ходе вашего с ним разговора – все больше и больше разбухает в области челюсти, подкашивает глаза в разные стороны и под конец уже всем своим видом говорит: «Если бы в этом мире для изготовления денег вместо хлопка и льна использовали бы спрессованное дерьмо, то деньги были бы не только целью моей жизни, но и моим любимым блюдом».

Можете представить себе такое лицо?

Одним октябрьским утром на железнодорожную станцию вблизи поселения Грандкунд на куда большей, чем следует, скорости прибывал пассажирский поезд с гигантской трубой на голове.

И вот, поезд с грохотом остановился, и из поезда в ужасе выбежали люди...

Но сейчас, если говорить начистоту, это неважно. Поскольку тот персонаж, что меня интересует, персонаж, с которого я бы хотел начать, тем временем сидел в своем доме за несколько километров от станции. И тем утром он не был свидетелем ужасного происшествия, о котором я вам в свое время расскажу. Нет, тем утром он преспокойненько пил чай, расположившись на мягком диванчике и аккуратненько выковыривая из недавно купленных им книг то, что потом можно будет применить на практике.

К слову, недавно купленные книги рассказывали о том, как пять центов превратить в пятьсот квадриллионов, и о том, как разговаривать с м*даками, если они – твои родители. А сам персонаж, любитель подобной литературы, был, как казалось едва ли не всем людям, имевшим счастье только-только познакомиться с ним, совершенно обычным двадцатипятилетним пареньком с кучей идей в голове и с прекрасными и амбициозными планами на будущее, но...

Но я вынужден сразу сказать вам, что эта книга об одном человеке. И только. Поэтому действительное положение вещей, касающихся личности упомянутого выше человечка, я могу обрисовать лишь в общих чертах, надеясь на то, что вы не уделите сказанному больше внимания, чем оно заслуживает.

Ита-а-ак...

Узуэль Люка

Именно так звали господина, что сидел у себя дома и гонял чай, в то время как некий Люмаль успел устроить переполох в поезде, случайно оторвав голову безымянному восьмилетнему мальчику.

Люка. Таким было имя студента, который еще два года назад учился на последнем курсе экономического факультета в одном (как тогда говорили) из лучших вузов Города.

Люка. Так буквально семь лет назад звали победителя городского юношеского чемпионата по боксу.

Однако!

Люка. Всего десять лет назад так расшифровывалась корявая подпись пятнадцатилетнего дрыща с синяком под глазом, что только-только пришел устраиваться в секцию по боксу, которая располагалась по соседству с домом юноши.

Люка. Еще двенадцать лет назад это имя звучало своего рода оскорблением для всех, кто хоть сколько-нибудь был знаком с его носителем.

Люка. То было имя маленького, боявшегося всего вокруг и не имевшего чувства собственного достоинства паренька, с шести лет определенного в школу и искренне желавшего найти там понимание и дружбу.

И наконец...

Люка. Так звали маленького мальчика, которому двадцать пять лет назад не посчастливилось стать первенцем в семье слепо-жестокоего самодура, желавшего видеть в своем сыне идеальную открывашку для пива, победителя во всех направлениях, машину для зарабатывания денег и тому подобное.

(Ха! Вот вам типичный урок истории задом наперед.)

Но как бы все то ни было, сейчас двадцатипятилетний Люка сидел в своем уютном доме (доставшемся ему по наследству от нашего покойного деда, очень любившего маленького Люку) на своем же мягком диванчике, читал книги, купленные им на собственные деньги, и ждал, когда его собственная жена в соседней комнате наконец-то родит ему долгожданное дитя.

Вот так.

Часы пробили полдень, и, собственно говоря, все. Тишина. Только ежеминутный шелест от страниц. И если бы из соседней комнаты не вышел бы один из докторов со странной ухмылкой на лице и со словами: «Принимайте товар», то, полагаю, Люка так бы и продолжал сидеть на своем диванчике и бегать глазами по пустым строкам, время от времени подливая себе в кружку чай из большого фарфорового чайничка, расположившегося на стеклянном столике рядом с диваном. М-да...

Но в действительности Люка все услышал, принял к сведению, встал с диванчика и пошел к своей жене.

– Ты хорошо справилась. Хорошо. Хвалю. Вот тебе доллар. Можешь чего-нибудь прикупить себе, – так обратился он к полуобнаженной юной девушке, лежавшей на письменном столе в беспамятстве. – А вы, господа... Ба-а-алин, даже слов никаких нет. Отработали все до цента. Красавцы!

Люка заткнулся и, сочувственно поджав губы, похлопал обоих докторов по плечам. Доктора тоже сочувственно поджали губы и тоже похлопали Люку по плечам. И так, сочувственно глядя друг другу в глаза, троица простояла где-то с минуту напротив бессознательно улыбающейся новоиспеченной матери, пока у одного из врачей мгновенно не запотели очки и он не подбежал к младенцу, не перевернул его и не похлопал ладошкой по спине.

Младенец чихнул и выпустил газы. Мать перестала улыбаться, несмотря на лошадиную дозу обезболивающего, введенного ей перед родами. А шокированный Люка уставился на доктора, только что спасшего от удушья его новорожденную дочь.

– Т... Твою мать! Вот это называется профессионал своего дела! Держите еще доллар, профессор!

Врач-акушер аккуратно взял доллар Люки и поклонился.

Затем Люка предложил докторам покинуть его дом, потому что хоть они и красавцы, но все же время – деньги, как говорится, а ему еще надо посидеть над книгами и подготовиться к завтрашней встрече.

Мать и дитя

Через несколько минут после того, как дверь за докторами захлопнулась, а Люка переместился на свой диванчик, мать младенца более-менее пришла в себя, встала со стола и бессознательно покинула комнату. Затем она также бессознательно приняла душ, плотно пере-

кусила, написала кому-то письмо на десять листов, растопила камин, выслушала лекцию о вреде расточительства от своего мужа, потушила камин, села на диван и что-то начала вспоминать... Что-то такое... М-м-м... Почему она вдруг захотела заняться садоводством? Почему она только сейчас вспомнила, что в поселении, как говорят, воздух чище, чем в Городе, и почему это так хорошо? Почему ей так сильно захотелось пообщаться с женщинами, у которых... А! У нее же теперь есть ребенок!

Мать вернулась в комнату, где в абсолютной тишине лежало ее дитя. Мать изобразила умиление. Мать подошла к столику и начала внимательно рассматривать своего ребеночка, пытавшегося понять, что за странное темное пятно нависло над ним.

– Бу-би-бу-би-бу, стё эта тють у нясь зя тьякое плилесьное сёзьданийтсье? Бу-би-бу-би! – произнесла мать и принялась щекотать носом живот младенца, приговаривая. – Бу-би-бу! Ути, какой халосенький муси-пуситек! Бу-би-бу-би-бу!

Младенец сперва был в полном замешательстве, но нос по правде щекотал живот, так что иного выхода не было – новорожденное существо засмеялось.

«Бу-би-бу» все продолжалось и продолжалось, младенец все смеялся и смеялся. В комнате было тепло, свет был тусклым, голос темного пятна был приятно знакомым, а ощущения были прекрасными. Иначе говоря, послеродовая обстановка была просто идеальной.

Но внезапно из соседней комнаты раздался голос Люки: «А вот и мой младший братишка! Сколько ж мы не виделись-то?» И мгновение спустя в комнату вошло нечто темное. Оно проследовало прямо к младенцу, равнодушно оглядело его, зачем-то погладило большим пальцем по голове и снова вышло из комнаты, направившись к Люке.

(Собственно говоря, это был я. Феодор Узуэль Любм. Приятно познакомиться. Сейчас мне девятнадцать лет, и я четыре или пять часов назад закинулся кислотой, так что прошу прощения.)

Разговор между братьями

Итак, нечто темное вышло из комнаты и направилось обратно к Люке, судя по его уверениям, о-о-очень сильно хотевшему услышать мнение родного ему человека насчет его первого ребенка.

– Понимаешь ли, дети – это не моя... м-м-м... специализация. Так что я тебе ничего о твоей дочери... – залепетало нечто темное, присев в кресло рядом с Люкой.

– Дочери? – Люка изобразил удивление. Такое неестественное и неизвестно зачем вообще существующее удивление, какое обычно изображают родители, когда их дети рассказывают им что-то о вещах едва ли их волнующих.

– Да, твоей дочери. Я ничего о ней сказать не могу. Правда, вот... Единственное, что хочется отметить... М-м. Я недавно наткнулся на статью о развитии органов чувств у детей и о том, какими должны быть роды. Так вот. Говорят, что после родов должна быть абсолютная тишина, как в материнской утробе, что не должно быть яркого света и что температура должна быть приблизительно такой же, как... как в этом... Как в животе, короче говоря.

– Интере-е-есно... – протянул в ответ Люка, слегка нахмурил брови и чуть выпятил нижнюю губу, чтобы показать, что ему и вправду интересно. – Но ты же понимаешь, что это все просто обычные статейки, да? Их же всякие полоумные мамы пишат, – произнеся это, Люка многозначительно замолчал и закинул ноги на диван. – Братишка, вот ты, например. Ты же помнишь, как ты родился, а? – он приготовил руку, чтобы загибать пальцы. – Мать орет, вокруг яркий свет, доктора, медсестры и все наши родственники переговариваются между собой с такой громкостью, что их, наверно, было слышно по всей больнице. Еще жуткий холод был. Ага-ага. Я помню, как в куртке стоял. А теперь посмотри на себя! Какой ты вырос. Красавец!

Честно говоря, я сперва не понял, почему Люка, пожелавший узнать мое мнение насчет его ребенка, теперь сконцентрировал свое внимание на правильности моего ответа и на моем

рождении, которое я, естественно, не мог помнить, но я без лишних вопросов все равно поблагодарил его за комплимент:

– Спасибо.

– Да чего ты!

Люка махнул рукой. Больше мыслей не было. Он замолчал. Чуть посидел на месте. Посмотрел на стол. Там лежали книги. Он посмотрел на них, и по его глазам я понял, что мысли снова появились. Ага... Кажется, сейчас что-то начнется.

– Ну ты понял, да? Статейки. Свой опыт нужен, а не статейки. Но ты лучше мне расскажи, что там у тебя с бизнесом твоим?

– С каким бизнесом?

Люка, изобразив на лице физиономию доброго начальника, взял со стола кружку с чаем, откинулся на диван и захлопал, глядя вверх кружки прямо в глаза темному существу. Затем он поставил чашку на стол, приятно выдохнул и заговорил:

– Ха! Дуралей, блин! Да я прикалываюсь, братишка. Бизнес – это моя спе-ци-али-за-ция. Но-о-о! – Люка поднял вверх указательный палец. – Я могу тебе с этим помочь.

– Люка. погоди. Мне не нужна с этим помощь. Я тебе говорил...

– погоди? Ты сказал... Нет, погоди. Сейчас ты погоди, ладно? Ты вот чего-то там ищешь постоянно, да? Но не там, понимаешь?

Нечто темное ровным счетом ничего не понимало. Разве только то, что Люка уже забыл о своем ребенке – если он вообще о нем думал – и настроился на поучительный разговор о совершенно другом предмете.

О каком? Ха!

– Бизнес. Вот, что нужно делать. Вот, в чем должен быть смысл земной жизни каждого нормального мужчины!

Ах, вот оно что. Теперь все стало ясно. Люка, Люка. Надеюсь, ты шутишь.

– Так, Люка, я слышу твою интонацию. Я знаю, что сейчас будет. И ты должен знать, что подобные разговоры добром не кончаются.

– Послушай, перебивать человека неправильно, м? Я тебе о серьезных вещах рассказать хочу. Ты хоть понимаешь, что такое бизнес?

– Я понимаю, но мне это неинтересно.

– А что тебе интересно? Статейки читать?

– Люка.

– Бредовые статейки полоумных мамаш?

– Я случайно и вскользь ее прочел, когда искал подтверждение собственным мыслям.

– Короче, ты вот все говоришь, да, а когда делом займешься?

– О чем ты вообще говоришь?

– Та-а-ак.

Люка заткнулся, поставил на стол кружку, которую он до этого напряженно держал в руке, и встал. Походил немного по комнате, несколько раз глубоко вздохнул, снова сел на диван и-и...

Началось!

– Во-первых, что такое бизнес? Бизнес – это игра, понимаешь? Она может длиться сорок лет, может длиться тридцать, может – двадцать, десять. Да сколько угодно! Во-вторых, что такое бизнес? Бизнес – это основа мира. Нет бизнеса – нет творчества, нет политики, нет ничего. Тут крутятся самые продуманные люди. Высший свет, братишка. Праздник истинного интеллекта. Понимаешь, да? В-третьих, ты вот там читаешь свою литературу, да, а кто, по-твоему, самые величайшие люди на свете? Я тебе уже подсказал. Художники, ага? – Люка иронично поднял брови и верхнюю губу. – Может... музыканты? Эти твои композиторы?

– Я ничего такого не говорил, Люка. А использовать фразу «эти твои»... Ну-у... Люка! Это так глу-уп-по. Нет, даже не глупо, а как-то... М-м-м... Ну, по-старперски, что ли...

– Глупо? Погоди-ка. Я промолчу о том, что ты меня перебил.

– Ты не промолчал об этом.

– Промолчу о том, что ты поступил, как... – Люка изобразил презрение. – Как какой-то б-быдлан с улицы, а не как мой родной, единоутробный, кровный брат!

– Ты сам понимаешь, что ты говоришь?

Люка показал на меня рукой и произнес с расстановкой:

– Что и требовалось доказать. Я понимаю, что я говорю, но ты-ы-ы!.. Ты сказал, что мои слова – глупость? Ты?! Кто ты вообще такой? Люка не делает и не говорит глупостей, – после этих слов Люка снова заткнулся и изобразил процесс мышления. – Так. Ты меня сбил. О чем я говорил-то... Во-о-от. Самые великие люди – это не те, что бьются на ринге, а те люди, которые им эти бои устраивают. Понимаешь ты это?

– Все, что я понимаю, так это то, что ты заблуждаешься.

В этот момент Люка мгновенно отлетел к спинке диванчика, громко сглотнул слюну и почесал нос. Он посмотрел на меня бешеным взглядом, но уже мгновение спустя успокоился и забормотал:

– Ага. Хорошо. Я заблуждаюсь. Тогда выскажи свою позицию, братик, – Люка приторно улыбнулся.

Конечно, я не мог не заметить нелепого лицемерия Люки, но, признаться, тогда я почему-то был уверен, что ему действительно стало интересно мое мнение и что мне пора переводить разговор в нужное русло.

– По-моему, любая сфера деятельности человека важна в равной степени. Ведь и этих сфер бизнеса не было бы без музыкальных групп и без боксеров, без... В общем, я надеюсь, ты понял, о чем я.

– Угу.

– Но я так и не понимаю, почему мы все время говорим с тобой об одном и том же. Бизнес, бизнес, бизнес. Это странно. Я ведь твой брат и просто хочу с тобой обсудить твою жизнь. Не партнер.

– Давай к сути.

Такая реакция немного выбила меня из колеи, и я, все еще надеясь повернуть разговор в нужное русло, начал озвучивать все, что приходило мне на ум.

– Я хочу сказать, что эта тема меня не интересует, и я не могу даже обсуждать что-то, потому что я уже не помню, о чем и к чему мы все это говорим. Но могу сказать, что прежде всего располагаются эмоции и лишь исходя из своих ощущений мы... М-м... Исходя из наших ощущений мы выбираем, как нам поступить и чем заниматься.

– Ты это вообще к чему?

– Ты разве не понимаешь? – спрашивал я, хоть и сам не совсем понимал, о чем я говорю. Кислота-кислота!

– Нет.

Тут я окончательно потерял нить и ляпнул что-то подобное:

– В общем, каждый человек – это следствие, сумма различных переменных, когда-либо имевших влияние на него. И...

– Ты закапываешься.

Паника!

– Нет! Я просто пытаюсь вести диалог. Знаешь, Люка, мне очень трудно говорить с тобой!

– Ты закапываешься. А еще говоришь, что я заблуждаюсь.

– Люка!

– Чего Люка? Чего Люка, я тебя спрашиваю? Ты ересь несешь, а мне говоришь, что я тупой и еще заблуждаюсь?! – выпаливая это, Люка снял маску сдержанного начальника и стал настоящей копией нашего отца, когда тот еще был молод. А это уже точно было очень и очень плохим знаком. Я не узнавал своего брата. Я не узнавал того человека, который еще несколько минут назад своим присутствием напоминал мне обо всех самых светлых и теплых моментах из нашего общего детства. О чудесных предрождественских прогулках по сосновому лесу (их я помню лучше всего), о совместном просмотре фильмов и о теплых и открытых разговорах перед сном, когда каждый из нас, как мне тогда казалось, делился своими самыми сокровенными и чистыми мыслями...

Нет, конечно, разговаривая с ним, я не видел всех этих образов из прошлого. Нет. Но я ощущал их, а это было куда важнее.

– Люка, ты меня перефразировал. Причем неправильно. Я не хотел тебя оскорбить.

– Я сказал так, как сказал это ты.

– Ладно, тогда прости меня. Прости, хорошо? Но я все-таки могу договорить? Ведь мне кажется, что...

– А какой толк мне слушать тебя? Ты вырасти сначала из своего этого дерьма мечтательного, а потом уже говори.

И тут нечто темное увидело окончательную перемену в лице собственного брата. Такую перемену, которая, показав их ложность, навсегда закрыла дверь к его воспоминаниям о прошлом и заставила его спросить:

– Кто ты такой?

– Что?

– Кто ты такой, мать твою?! Ты не мой брат!

Действительно, передо мной тогда сидел уже не тот Люка-братишка, каким я раньше его видел. Это было что-то ужасающе другое. Это было чрезмерно фанатичное последствие всех нелепых бизнес-тренингов, весьма наглядно обучающих людей тому, как, оставляя лишь ширму человечности, ее шаблон, в душе переставать быть людьми. Жалкий моральный уродец, которого наш жестокий отец-самодур, как я только тогда понял, через наказания и постоянные наставления все-таки сделал бездушной машиной по зарабатыванию денег.

– Люка... Я приехал сюда, чтобы поздравить тебя с рождением твоей дочери. Понимаю, что я сам... Да, я сам начал наш разговор совсем не так, как стоило, но... Но ты ведь мог бы понять мое волнение, будь ты моим братом! Я ведь очень долго не видел тебя. И все-таки кому, блядь, в голову придет такая идея, чтобы прежде всего спросить своего брата, как он оценивает твоего ребенка?!

– Не ругайся в моем доме! – Люка показушно вскочил с дивана. – Кто я такой, да?! Иди-ка ты лучше со своими дружками-наркоманами пообщайся! Может, они тебе что-нибудь толковое расскажут, а? А?! Да-да! Думаешь, я не созвонился с отцом? Думаешь, я ничего о тебе не знаю? Я все знаю! Так что ты со мной так не разговаривай, щенок. Понял? Теперь-то ты понял меня?!

– Что ты несешь? Ты больной, Люка. Больны и все те, кто хоть сколько-нибудь похож на тебя, – сказал я и почему-то засомневался в правильности своей мысли, но все равно продолжил. – И я искренне надеюсь, что жизнь покажет тебе, какую ошибку ты сегодня совершил. Прощай, Люка-братишка.

На этих словах я неуверенно встал с кресла, в которое до начала нашего разговора Люка, похлопав меня по плечу, любезно предложил мне сесть, и пошел в комнату к младенцу, чтобы попрощаться. И только тогда я впервые ясно увидел ту совершенно не понимающую своего положения девушку, что лишь на бумаге была женой моего брата, а в мыслях же – обычной легкомысленной восемнадцатилетней девочкой. Но я не могу больше ничего о ней сказать. Разве только... Эм-м... Мне тогда было очень жаль ее.

Да и как бы все это ни было, эта история и не о ней, и не обо мне. Эта история об Аморетте, которая родилась сегодня в этой семье и над которой все так же нависало размытое темное пятно. О прекрасной Аморетте, которая еще не знала ни о чем.

Да-с, вот так! И, казалось бы, все. Утомительный и, вероятно, нелепый для стороннего наблюдателя спор окончен, обстановка в месте, где будет расти наш будущий суицидник, хоть сколько-нибудь стала ясна, а начало пути нашей главной героини – обозначено. Но я почему-то не могу закончить эту главу. Хм... Почему же?

А!

«Да пошел он нахуй!» – вот, что сказал маленький Люка-бизнесмен с расплывшимся лицом, когда я покинул его дом, выполненный, как и все остальные дома поселения Грандкунд, в стиле фахверк, но отгороженный от других домов высоким забором из крупного булыжника, плотно поросшего плющом.

Вторая глава

Исход

А сейчас самое время, чтобы вернуться к истокам.

Гейси, Дамер, Риджуэй, Банди, Чикатило, Педро Алонсо Лопес.

Ита-а-ак...

Аморетта, да? Вспомнить только! Ей от силы-то было всего пару дней, когда я, все еще отходивший от разговора с ее отцом, решил навсегда отказаться от человеческого общества и самостоятельно поселить себя в одиночную камеру с видом на бескрайний грандкундовский лес. Да-да-да...

А что я мог поделывать? Ведь и до спора с Люкой у меня в этом мире уже почти никого и не осталось. Ни когда-то родных мне по духу «дружков-наркоманов» (художников, музыкантов и писателей, не познавших силу систематического образования, способного *зажать мозг в тиски*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.